
А. В. БАРАНОВ

РОЛЬ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ В КОНСТРУИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАЧЕСТВА

В статье раскрывается роль этнополитических мифов в конструировании идентичности казачества в условиях коренных трансформаций общественной системы России (1917–1929 и 1990–2013 гг.). Сравнительный анализ конструирования идентичности предпринят на материалах донского и кубанского казачества.

Ключевые слова: *идентичность, конструирование, этнополитические мифы, казачество, сравнительный анализ, 1917–1929 и 1990–2013 гг.*

Цель статьи – определить роль этнополитических мифов в конструировании идентичности донского и кубанского казачества в условиях коренных трансформаций общественной системы России (1917–1929 и 1990–2013 гг.). Территориальные рамки статьи – исторические пределы области Войска Донского и Кубанской области, близкие к современным границам Ростовской области, Краснодарского края, республик Адыгея и Карачаево-Черкесия¹.

Гипотеза. Теоретической основой статьи избран конструктивизм, трактующий этничность как процесс социального конструирования сообществ, основанный на вере в существование повседневных связей между членами группы, в единство ее культуры, происхождения и истории. Основной в таком подходе является категория идентичности (Тишков 2003: 116–118). Идентичность можно определить как устойчивое самосознание, в основе которого – чувство принадлежности к «своей» группе. Идентичность, по Э. Эриксону, является главным интегративным качеством поведе-

---

¹ Репрезентативность выборки подтверждается тем, что в 1913 г. на Дону и Кубани было сосредоточено 64 %, а по переписи 2010 г. – 51,3 % казаков России (Козлов 1977: 32; Национальный... 2010).

ния индивида (Erikson 1964: 203–204). Идентичность определяет приверженность цивилизации, мировоззрению, религии, исторической картине мира, стереотипам сознания и поведения. Идентичность упорядочивает мир, создавая устойчивые обобщенные образы «своего» и «чужого». Идентичность складывается не только на индивидуальном, но и на групповом, социетальном уровнях. Значение идентичности определяют потребности: в принадлежности к сообществу, в позитивной самооценке и в безопасности. Идентичность сочетает подсистемы представлений: позитивную и негативную, дуальные оппозиции «добро – зло», «порядок – хаос», «свой – чужой». Самоидентификация индивида и сообщества невозможна без оценки отличий «себя» от «чужих».

Ряд признаков (уровень религиозности и индивидуализма, тип развития общества) вызывает устойчивые различия типов идентичности. В. А. Ачкасов и С. А. Бабаев отмечают, что человек может быть ориентирован референтными группами на идеальный образ настоящего, будущего либо прошедшего (Ачкасов, Бабаев 2000: 45–46). Стремление вернуться к «золотому веку» побуждает строить идентичность на основе общности происхождения, обычаев, традиций, героев, исторических событий – предметов гордости.

В зависимости от стратификационной системы и социокультурных условий идентичность может быть отчетливой или «размытой». Индивид может проявлять приверженность одновременно к нескольким реальным либо воображаемым сообществам. Виды его идентичностей взаимосвязаны и «накладываются» друг на друга (этническая, религиозная, сословная, профессиональная, территориальная). Идентичность казачества – сложносоставная (по определению Е. В. Морозовой), в ней неразрывно слиты разнопорядковые идентификационные характеристики, сообщество устойчиво и активно участвует в политическом процессе (Морозова 2012: 102–104). Поэтому категоричные оценки идентичности казачества как сословной или этнической малополезны. Нужно учитывать историчность категорий. На различных этапах развития их иерархия менялась. Необходимо различать идентичность казачьей элиты и массовых слоев (Голованова 2010: 290–291).

Историческое сознание становится мифологическим и стихийно – в итоге самоидентификации участников группы на уровне обыденных представлений, и целенаправленно – как результат политики элит. Типичные «творцы» исторических мифов – региональные и местные чиновники, активисты общественных движений, интеллигенция (особенно журналисты, преподаватели высших учебных заведений, политконсультанты).

Элиты используют мифы как ресурс укрепления политической самоорганизации, конструирования групповой идентичности (по В. А. Ачкасову и С. А. Бабаеву). Этапами мифотворчества выступают конструирование и мобилизация «своей» группы; политизация ее исторического наследия; «очищение» идентичности от иноэтнических и глобальных влияний (Ачкасов, Бабаев 2000: 60–63).

Миф воспринимается на уровне чувств, эмоций, подсознательных и бессознательных желаний. Политический миф включает в себя компоненты:

- архетип – многократно возникающий в общественной жизни и запечатленный в обыденном сознании алгоритм развития;
- смысл, эмпирически заложенный в общественных традициях;
- систему образов-символов, переводящих рациональный опыт на язык мифов (Полосин 1999: 47).

Мифы облегчают создание привлекательной картины мира, компенсируют для группы чувство отчуждения от власти, собственности, престижных ресурсов, символов гордости.

Обыденное массовое сознание включает в себя совокупность не только традиционных знаний, ценностей, отношений к реальности, но также мнений и настроений по текущим вопросам политики. Массовое сознание имеет такие черты, как структурная неопределенность, противоречивость оценок реальности, эмоциональность, стихийность и податливость к манипуляциям. В. А. Ачкасова выделяет стадии мифологизации массового сознания (Ачкасова 2002: 75–77). Во-первых, индивид «растворяется» в группе и начинает враждебно относиться к ее внешнему окружению. Этнические и религиозные признаки легче, чем профессиональные, подвергаются такой переоценке. Во-вторых, представления об истории становятся дихотомичными. Создаются гиперпозитивные образы героев и «своего сообщества». Им противопоставлены образы врагов.

В-третьих, восприятие пространства и времени становится этноцентричным. Настоящее оценивается как деградация. Территория сообщества расширяется путем произвольных трактовок.

На идеологическом уровне мифотворчество проявляется в представлениях публицистов, историков, политиков. Прошлое «переписывается» для возвеличения государства, этнических групп. К. Аймермахер и Г. А. Бордюгов выделяют направления мифотворчества – «удревнение» своей общности, ее героизацию, завышение уровня развития, акцент на конфликтах с «врагами» (Аймермахер, Бордюгов 1999: 13–14).

Как отмечали Д. Мейберн-Льюис и К. Дженкинс, в условиях революций и затяжных конфликтов происходит политизация этничности как компонента организации общества и достижения политических целей, компенсирующего слабость государственной власти (Мейберн-Льюис 1997: 18–26; Jenkins 1983: 527–553). Исторические мифы становятся важным ресурсом конструирования этнополитической идентичности путем произвольной выборки фактов прошлого и их пристрастного истолкования ради современных целей.

Проверим гипотезу на материалах донского и кубанского казачества в сравнении 1917–1929 и 1990–2013 гг.²

---

² Источниковая база включает в себя нормативно-правовые акты Российской Федерации по вопросам статуса казачества; материалы переписей населения (1926, 2002 и 2010 гг.); периодические издания казачьих организаций. В центре внимания – историко-публицистические произведения, дающие обоснование сущности казачества (Билый 1928; Быкадоров 1933: 24–25; Казачество... 1992; Казачий... 1992, т. 2: 24, 30, 40; Краснов 1921: 1–9; Щербина 1921). Для осмысления современной идентичности важны материалы социологических опросов (Барков и др. 2011: 93–165; Кубанское казачество... 1992).

Степень разработанности проблемы такова. Исследователи Гражданской войны уделяют наибольшее внимание идеологемам и политическим институтам казачьей «самостийности» на Дону и Кубани, конфликту между казачьими правительствами и Добровольческой армией в 1919–1920 гг. (Белоусов 1995: 89–91; Зайцев 2009; Трут 2005: 514–522). Второе из направлений – анализ политических проектов казачьей эмиграции (Баранов 1993: 34–41; Бондаренко 2010: 302–304; Кириенко 1996: 3–18; Ратушняк 1997). Активизировались исследования «украинизации» Кубани, проводившейся в 1923–1932 гг., в аспекте самосознания казачества (Васильев 2010; Иванцов 2009; Матвеев 2001: 225–248). Ряд историков стремится доказать «украинство» кубанского казачества и возможность «возрождения» данной идентичности (Авраменко 2008: 15–25; Кульчицкий 1999: 108–110; Супрун-Яремко 2003: 51–57; Чумаченко 2002: 53–64). Идентичность современного казачества часто исследуется в рамках парадигмы «возрождения», что направляет дискуссию в русло оценки соотношения этнических и социально-групповых, традиционных и современных черт самосознания (Бондарь

Политическая мобилизация казачества в период революций 1917 г. и Гражданской войны стимулировалась ослаблением государства, эскалацией классовых и этнотерриториальных конфликтов. В начале марта 1917 г. образуется Донское казачье правительство. 16 апреля областной казачий съезд воссоздал Войсковой круг как представительный орган, который 26 мая 1917 г. объявил себя единственным хозяином Дона. Тогда же восстановлена выборность донского атамана (избран А. М. Каледин). 22 апреля 1917 г. казаки – депутаты Кубанского областного съезда уполномоченных создали Кубанскую войсковую Раду. Она избрала своего председателя (Н. С. Рябовола), временное войсковое правительство и атамана (А. П. Филимонова). Рада заявила о намерении образовать автономию. По мере обострения кризиса казачьи организации переходили от автономизма к федерализму. 20 октября 1917 г. во Владикавказе создается «Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей». В Екатеринодаре сформировано объединенное правительство ЮВС (по 2 представителя от войска), предполагалось установить командование над всеми вооруженными силами Северного Кавказа (Венков 1996: 88–89). Но стремление к децентрализации не означало разрыва с Россией (Мациевский... 2012: 60–61). Именно слабость общегосударственной власти и ее беспомощность понуждали казачество «крепить власть областную, придавая ей функции власти государственной» до воссоздания единства России (Венков 1996: 89).

Октябрьская революция вызвала принятие частью казачьих элит сепаратистской программы. Весной 1918 г. донской атаман прогерманской ориентации П. Н. Краснов предложил образовать независимую от России Доно-Кавказскую федерацию и принять ее конституцию (Казачий... 1992, т. 3: 317–321). В 1918 – начале 1920 г. де-факто формируются казачьи государственные образования: Всевеликое войско Донское и Кубанский край, претендовавшие на участие в Лиге Наций и Версальском мирном договоре. Сепаратисты выражали «третий путь» – между большевизмом и бе-

---

1991: 10–12; Бугай 2011: 149–168; Скорик, Озеров 2005: 59–128). Более перспективна парадигма конструирования «нового» казачества, идентичность которого – ответ на современные вызовы (Барков и др. 2011; Козлов 1996; Маркедонов 2001: 106–119; Рвачева 2010: 307–310; Черненко 2009: 89–93).

лым унитаризмом. Но их проект имел неустранимые слабости: нежелание решать классовые конфликты, защита сословных привилегий (казаки составляли не более 44 % жителей Дона и Кубани) (Козлов 1977: 32), зависимость от мировых геополитических центров (сначала Германии, затем стран Антанты). Лидеры черноморских казаков, говорившие на суржике, проявляли сепаратизм вплоть до вхождения на федеративных началах в состав Украины. Линейные казаки, сохранявшие русскую идентичность, оставались верными «единой и неделимой» России.

Летом 1919 г. конфликт между командованием Добровольческой армии А. И. Деникина и кубанскими «самостийниками» завершился убийством председателя Кубанской Рады Н. С. Рябовола, полной сменой состава органов власти Кубани на лояльный Деникину. В ноябре 1919 г. сепаратист А. И. Кулабухов казнен за подписание договора с меджлисом горских народов. Эсеровская часть Кубанской Рады (М. П. Пилюк, П. А. Савицкий и др.) подняла восстание против Добровольческой армии (Белоусов 1995: 89–91). Накануне падения деникинского режима 11 января 1920 г. Верховный круг Дона, Кубани и Терека принял союзную конституцию ЮВС и объявил себя верховной властью «в объединенном Казачьем государстве» (Казачий... 1992, т. 3: 321). Но практического смысла акт уже не имел. Данные события вызвали раскол тыла белого движения, облегчили установление в январе – марте 1920 г. контроля Красной армии над Доном и Кубанью. Лозунги казачьей «самостийности» выдвигались в 1920–1922 гг. повстанческими отрядами «бело-зеленых» на Кубани, прежде всего – эсеровской ориентации (Черкасов 2004: 63–65). Итак, сепаратисты в период революций и Гражданской войны использовали мифологемы «возрождения исторических вольностей», «исконных прав коренного народа», безуспешно пытаясь совместить их с общедемократическими лозунгами.

Вопрос о сословной или этнической идентичности казачества стал одним из важнейших в политических проектах эмиграции. Многочисленные организации казачьего зарубежья можно классифицировать на «единонеделимцев», федералистов и сепаратистов. Причем их мнение о наилучшей форме политического устройства и статусе казачества было неустойчивым, зависело не только от идеологии, но и от тактических соображений выгоды.

«Единонеделимцы» считали казачество неотъемлемой частью русского народа. К ним относились как монархисты (П. Н. Краснов, Ф. Ф. Абрамов, Г. П. Янов), так и сторонники демократической республики, предполагающей автономию либо федеративный статус казачества (А. П. Богаевский, В. А. Харламов, Н. М. Мельников).

По мнению автономистов и федералистов, свержение большевизма должно идти «от окраин к центру». Объединенный совет Дона, Кубани и Терека во главе с А. П. Богаевским предлагал: до всенародного голосования о форме правления России три казачьи области объявляются самостоятельными государственными образованиями. После воссоздания Российского государства казачьи области становились бы субъектами федерации с широкими правами и конституциями (Бондарь 2005: 560–564). Союз возрождения казачества (Г. Ф. Фальчиков и др.) и Союз единства казачества (И. Ф. Быкадоров, В. И. Сидорин) требовали создать казачьи республики, которые позже войдут в состав Российской федеративной республики как равноправные «штаты» (Там же: 566). Их позицию разделяли кубанский историк Ф. А. Щербина и донской историк С. Г. Сватиков (Щербина 1921; Сватиков 1924: IV–VI).

Напротив, поборники сепаратизма считали казачество отдельным народом, который ранее угнетался Россией и должен создать независимое государство. К данному направлению можно отнести «казакійцев» (редакции журналов «Вольное казачество» и «Казакія»), Лигу возрождения казачества (журналы «Казачье дело» и «Кубанский край»). Выражали «самостийные» идеи Л. Л. Быч, братья П. Л. и И. Л. Макаренко, а до 1932 г. и И. Ф. Быкадоров. Характерно, что они поддерживались сначала польскими разведслужбами (организация «Прометей»), а позже – нацистской Германией (Соцков 2003: 54–63). Исторические мифологемы «самостийников» таковы: казачество безапелляционно считалось отдельным славянским народом, коренным для Дона и Предкавказья с начала н. э. Они якобы не имеют генетически и культурно ничего общего с русскими. В XVI–XVII вв. казаки создали самостоятельное государство на Дону. Они имеют «Казачий присуд» – исключительное «присужденное Богом право исторически владеть Старым Полем, Доном и Донцом» (Казачий... 1992, т. 2: 40). Это государство воссоздано в 1917–1920 гг. на бесклассовой основе. Иногородние крестьяне считались «самостийниками», чужеродной силой, которая не

получит никаких прав (Казачий... 1992, т. 1: 85–86, 115–116; т. 2: 126, 228–229, 205–206).

Весь ход политических процессов на Юге России в XX – начале XXI в. доказывает необоснованность и пагубность мифов «самостийности». Это признавали даже лидеры казачьей эмиграции, временно разделявшие идеи сепаратизма. Так, П. Н. Краснов предупреждал, что отделение от России приведет к бесконечной междоусобной войне на Северном Кавказе, к самоуничтожению казаков в пользу чуждых сил (Краснов 1921: 1, 5–9, 26–31). И. Ф. Быкадоров в 1933 г. указывал, что Казакия несбыточна. Она означает изоляцию и балканизацию России, порождает территориальные претензии Украины и горцев Кавказа. Судьбы казачества, напротив, тесно связаны со всем русским народом, его государственностью и культурой (Быкадоров 1933: 24–25).

Итак, конструирование мифов о казачьей идентичности в эмиграции 1920–1930-х гг. приобрело оторванный от политической практики характер. Именно в зарубежье отчетливо оформились соперничающие идеологические направления, выкристаллизовалась их аргументация.

О проблеме «советской украинизации» Дона и Кубани (1923–1932 гг.). Сторонники украинской идентичности казачества ссылаются на Всесоюзную перепись населения 1926 г., давшую численность украинцев в Северо-Кавказском крае 3107 тыс. чел. (в 1897 г. – 1271 тыс. чел.) (Всесоюзная... 1930, т. IX: 71–73; Народное... 1925: 29). Но никакой демографический процесс не может дать подобного итога. Налицо манипулирование цифрами. В переписи 1897 г. за основу этничности взят «родной язык», в переписи 1920 г. – личная самооценка, а в 1926 г. – происхождение родителей. «Сбой» методики дал снижение удельного веса русских на Дону с 92,9 до 45,9 % за 1920–1926 гг., а на Кубани – с 79,7 до 33,4 % (Всесоюзная... 1930, т. IX: 70, 100, 34–35). Более объективны сведения о считавших русский язык родным и основным в общении. Их удельный вес в 1926 г. – 62,9 % – резко превышал в Северо-Кавказском крае процент русских по происхождению (45,9 %). Из 3,1 млн украинцев по происхождению в крае 32,3 % считали родным русский язык (Казачество... 1928: 5–12).

Следует учитывать различия в понимании сущности казачества составителями статистических программ и населением. Идентичность меняется медленнее, чем идеологические установки. Партия большевиков не имела научно обоснованных представлений о казачестве и меняла их в зависимости от политических обстоятельств.

Приведенные сведения подтверждают интенсивную ассимиляцию украинцев на Юге России. Каковы были факторы данного процесса? Пространственное распределение ассимиляции по переписи 1926 г. позволяет выделить факторы русификации: урбанизацию, степень удаления от территории Украины, проживание в горских местностях. 83,9 % обрусевших украинцев – горожане. 72,6 % украинцев по происхождению, живших в автономиях, осознавали себя русскими. В пограничном с Украиной Донецком округе сменили язык общения 8,3 % украинцев, в Кубанском округе – 16,3 %. Сравним этот показатель с удаленными от Украины Сунженским округом (99,0 %) и Ставропольским округом (84,6 %). Территориальный анализ ассимиляции украинцев по данным переписи 1926 г. доказывает высокое сходство этнических процессов среди казаков и всех жителей края. Так, в Армавирском округе удельный вес украинцев по происхождению – 32,9 % всего населения и 24,7 % казачьего; в Кубанском округе – соответственно 61,5 и 77,4 %; в Донском округе – 44 и 48,3 %. Средний процент лиц украинского происхождения, считавших русский язык родным, в 1926 г. составил 32,3 % всех жителей края с данной идентичностью, в том числе 30,7 % казаков украинского происхождения (Там же).

Ассимиляция 1923 – начала 1930-х гг. шла добровольно, именно в это время ВКП(б) и государственные органы вели курс украинизации в местностях с преобладанием русских. Работы В. А. Матвеева, И. Ю. Васильева, И. Г. Иванцова подтверждают навязанность даже для черноморских казаков литературного украинского языка (Матвеев 2001; Васильев 2010; Иванцов 2009). Местные жители говорили на суржике – смеси простонародного русского и украинского языков. Они не понимали насаждаемого извне украинского языка и предпочитали литературный русский как язык городской культуры и власти.

Специфика конструирования этнополитических мифов казачества на Дону и Кубани в современных условиях. Рассмотрим проблему на уровнях массового и идеологического сознания. Юг России – регион с преобладанием консервативных, ретроспективных ориентаций политической культуры (Морозова 1998: 252–330). Анкетные опросы, проведенные службой «Мониторинг» в 1992 г. (пропорциональная выборка по 800 чел. в Ростовской области и Краснодарском крае), дали высокий уровень самоидентификации респондентов с казачеством. На Дону считали себя казаками 28,5 % опрошенных, на Кубани – 27 % (Кубанское... 1992: 67). Важна неопределенность основ самооценки. В Краснодарском крае только 50 % потомков казачества назвали себя казаками. Считали казачество особым народом 8,6 % респондентов, сословием – 21,4 %, культурно-этнической общностью – 60 %, общественной организацией – 10 %. Важна оценка идеологом. Респонденты признавали особый исторический путь России, необходимость особого порядка землепользования и реабилитации казачества. Но «единонеделимцев» поддержали 10 % опрошенных, «автономистов» – 21,4 %, «казакийцев» – никто. 64,3 % полагали, что создание казачьих республик обострит межэтнические отношения. Лозунг атаманского правления в Краснодарском крае поддерживали 40 % казаков, а 31 % – отвергали. Казачье самоуправление одобряли 40 %, осуждали – 57 % (Там же: 67). Лозунг «Казачество – народ» одобряли 82,2 % кубанских атаманов и 8,6 % всей выборки (Черненко 2009: 42–44). Этническая трактовка казачества в условиях распада СССР внедрялась публицистами, а не вызревала в массовых слоях.

По мере стабилизации постсоциалистической общественной системы в начале XXI в. приоритетными стали иные аспекты возрождения казачества: ресурсы влияния, формы несения государственной и муниципальной службы, сохранение традиций культуры. Изменения идентичности фиксирует анкетный опрос, проведенный Южнороссийским филиалом Института социологии РАН в Ростовской области (стратифицированная (квотная) выборка 1050 чел.). Большинство респондентов – 71,7 % самоопределяется как «часть русского народа, обладающего особой культурой и традициями». 9,8 % считают себя сословием защитников российского государства. 6,3 % определяют казаков как род войск на государственной

службе. Лишь 8,4 % опрошенных поддерживают мнение «Казачи – это особый народ» (Барков и др. 2011: 11–16). Иерархия самосознания донских казаков, как и всех жителей Ростовской области, ставит на первое место общегосударственную идентификацию («россиянин, гражданин РФ») для 56,3 % казаков и 59,5 % всего населения (Там же: 13; Денисова и др. 2010: 148–149).

Но идентичность донских казаков имеет и черты регионализма. 17,6 % опрошенных ставит на первое место идентичность «казак» и только 6,0 % – «русский». К введению национальности «россиянин» отнеслись положительно 45 %, а отрицательно – 32,5 %. «Настоящими казаками» 67,7 % респондентов назвали потомственных, а 57,6 % – казаков «по самоощущению», 49,9 % – знающих традиции, 44,1 % – знающих казачью историю. Проект создания Донской казачьей республики поддержали 28 %, отвергли 33 % и отнеслись нейтрально 21 % (Там же: 13, 15, 17, 21, 39–40). Влияние на регионализм оказывают следующие факторы: слабость гражданской (общероссийской) идентичности в РФ, сужение кругозора вследствие экономического кризиса, амбиции региональных групп интересов.

На идеологическом уровне важны мифологемы, формируемые публицистами и историками:

– извечное тяготение славян к Причерноморью и русское присутствие в нем (акцентируемые события: разгром Хазарии, Тмутараканское княжество, женитьба Ивана Грозного на кабардинской княжне);

– противостояние земледельцев и кочевников – цивилизации и варварства;

– раннее и автохтонное зарождение казачества на Дону и Кубани (возведение его истоков к кочевникам раннего Средневековья, бродникам, отдельной ветви славян);

– разрушительность влияния Османской империи и Персии на Кавказе;

– цивилизующая и миротворческая роль Российской империи (характерен термин в учебных изданиях и названиях юбилейных торжеств – «освоение Кубани»);

– роль казачества как «держателей щита» на рубеже России и Востока (Гордеев 2006; Корень, Горельченко 1998; Скорик, Озеров 2005).

Процесс «возрождения», начавшийся в 1989–1990 гг., поставил в центр дискуссий вопрос об идентичности казачества. Декларация казачества России от 30 ноября 1990 г. содержала требование внести казачество в список незаконно репрессированных и реабилитированных народов (Черненко 2009: 47). Официальные документы казачества выдержаны в умеренных тонах. Этнолог Н. И. Бондарь в 1991 г. подчеркивал, что кубанское казачество утратило в итоге репрессий признаки субэтноса и является этнической группой с незначительными особенностями культуры. Акцент делался на двойном (русско-украинском) самосознании, диалектном уровне кубанского наречия (отсутствии отдельного языка) (Бондарь 1991: 15–16).

Но заявления заместителя председателя Кубанской казачьей Рады Ю. Н. Загудаева и атамана Екатеринодарского отдела Всекубанского казачьего войска А. А. Аникина содержали тезис о «коренном народе», призывы к установлению атаманского правления, преимуществ землепользования на «исторических территориях компактного проживания», отставке нелояльных депутатов и госслужащих (Кубанские новости 1993а; Казачьи вести 1993). Аникин 5 июня 1993 г. потребовал создать Кубано-Черноморскую республику с правами субъекта федерации, ввести атаманское правление в границах 1917 г., что означало упразднение республик Адыгея и Карачаево-Черкесия. Требование вошло в резолюцию Екатеринодарского отдела, но было отвергнуто государственными органами (Кубанские новости 1993б). Союз казаков Общества войска Донского (СК ОВД) с 1991 г. выдвигал лозунг создания Донской республики как национально-территориального образования, отчисления 20 % областного бюджета на нужды казаков. Причем в противоположность Администрации Краснодарского края Ростовский областной совет народных депутатов поддержал требования. Но в марте 1993 г. СК ОВД сформировал войсковое правительство и военный трибунал, пытался захватить власть в ряде районов, потребовал от областных органов власти ввести должность первых заместителей глав местных администраций по казачеству. Кризис завершился к лету 1993 г. пресечением незаконных амбиций войска (Мухин, Прибыловский 1994: 47, 49, 52, 193). Итак, в 1990–1993 гг. имела место тенденция политизации этничности движения, исходившая от его руководства.

По мере укрепления государства радикализм лозунгов движения стал уменьшаться. В 1995 г. создан государственный реестр казачьих обществ, выполняющих функции государственной и муниципальной службы. Сейчас приоритетны направления политики казачьих организаций: возрождение традиционной культуры, участие в патриотическом воспитании и воинской службе, сотрудничество с органами власти в поддержании правопорядка и развитии сельского хозяйства (Бугай 2011: 162–168).

Государственная власть меняет задачи политики в отношении казачества. Так, Указ Президента РФ от 15 июня 1992 г. определял казачество как исторически сложившуюся культурно-этническую общность, в которую входят «граждане, относящие себя к прямым потомкам казаков и выразившие желание совместно восстанавливать и развивать формы хозяйствования, культуры, быта», нести государственную службу, а также добровольно вступившие в казачьи общества (О мерах... 1992). «Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года», утвержденная 15 сентября 2012 г., определяет казачество иначе – как форму самоорганизации граждан РФ, «объединившихся на основе общности интересов в целях возрождения российского казачества, сохранения его традиционных образа жизни, форм хозяйствования и самобытной культуры». Подчеркивается многонациональность казачества и его принадлежность к элементам гражданского общества (Стратегия... 2012).

Выводы. Особую актуальность этнополитические мифы имеют в переходных обществах. В условиях революций и коренных общественных трансформаций мифологизация прошлого придает социальным группам не только чувство защищенности, но и аргументы в борьбе за власть и общественное влияние. Историческая идентичность становится актуальной во время системных кризисов, сопровождаемых утратой либо расколом базовых ценностей общества.

Идентичность казачества в XX – начале XXI в. – сложносоставная, с преобладанием конструируемых элитами, а не передаваемых по каналам межпоколенной социализации, признаков. Восстановление традиционного казачества с его сословностью и профессиональной воинской службой, войсковым самоуправлением в постсоциалистической России маловероятно. Современное казачество Дона и Кубани формирует новую идентичность, отвечающую на современные вызовы.

В эпохи коренных трансформаций (1917–1929 и 1990–2013 гг.) идеологические проявления этнополитического мифотворчества преобладали над обыденными. Субъектами конструирования мифов выступали прежде всего публицисты, историки, политические лидеры и активисты. В условиях Гражданской войны и эмиграции сформировались основные лозунги: введение особого статуса казачьих областей, земельные и войсковые привилегии. Среди основных направлений политической мысли в зарубежье преобладали автономизм и федерализм. Лозунги этносословного сепаратизма можно признать неукорененными в массовых слоях казачества. Ныне казачье движение использует идеологемы и мифы прошлого для увеличения ресурсов влияния. Динамика общественного мнения казачества подтверждает относительный успех проекта российской гражданской идентичности, но требует от государственной власти и казачьих организаций изменить приоритеты символической политики, сделать их более привлекательными.

Степень распространения этнополитических мифов в сознании казачества Дона и Кубани остается высокой, что объясняется ретроспективным типом ориентаций и установок культуры. Расстановка смысловых акцентов мифотворчества закрепляет позитивную самооценку, которая необходима казакам в пограничном и конфликтогенном регионе. Объектом мифотворчества чаще избирается древность, что призвано повысить статус группы и обосновать ее права на территорию, либо советский период, что позволяет противопоставить казачество репрессивному и чуждому режиму.

Литература

Авраменко, А. М. 2008. Третий сборник «Кубань – Украина» и некоторые проблемы кубанской украинистики. *Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия*. Вып. 3 (с. 15–25). Краснодар: ООО «Картика».

Аймермахер, К., Бордюгов, Г. А. (ред.). 1999. *Национальные истории в советском и постсоветских государствах*. М.: АИРО-XX.

Ачкасов, В. А., Бабаев, С. А. 2000. *«Мобилизованная этничность»: Этническое измерение политической культуры современной России*. СПб.: Изд-во СПб. филос. общ-ва.

Ачкасова, В. А. 2002. *Региональный политический ландшафт России: столкновение интересов*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Баранов, А. В. 1993. Российская государственность и Северный Кавказ: критика идеологии «самостийности». *Кентавр* 6: 34–41.

Барков, Ф. А., Водолацкий, В. П., Садко, Д. О. и др. 2011. *Казачество как этносоциальный феномен современной России (по результатам социологического исследования казачества Дона)*. Ростов н/Д.: Антей.

Белюсов, И. С. 1995. Сепаратисты в стане Деникина. *Родина* 2: 89–91.

Бильий, И. А. 1928. *Казачьи земли: территория и народонаселение*. Прага: Славян. отд. при тип. «А. Fisher».

Бондаренко, В. Г. 2010. Украинское и российское вольноказачье движение: два варианта поиска национальной идентичности. *Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития* (с. 302–304). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН.

Бондарь, Н. И.

1991. Кубанское казачество: этнос (народ) или... *Кубанские казахи ведомости* 4: 15–16.

(ред.) 2005. *Очерки традиционной культуры казачеств России*. Краснодар: ЭДВИ.

Бугай, Н. Ф. 2011. *Русские на Северном Кавказе: социальное положение, трансформация этнической общности (1990-е гг. – начало XXI в.)*. М.: Гриф и Ко.

Быкадоров, И. Ф. 1933. Открытое письмо казакам. *Казаки за границей. Март 1932 – март 1933* (с. 24–25). София: Изд-во Штаба Донского корпуса.

Васильев, И. Ю. 2010. *Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг.* Краснодар: Кубанькино.

Венков, А. В. 1996. Казачьи государственные образования на Юге России в годы Гражданской войны. *Проблемы казачьего возрождения: сб. науч. ст. Ч. 2* (с. 88–93). Ростов н/Д.: НМЦ «Логос».

Весоюзная перепись населения 1926 г. 1930. Т. IX. М.: Изд-во ЦСУ СССР.

Голованова, С. А. 2010. Этничность и сословность как универсальные категории характеристики казачества. *Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития* (с. 290–293). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН.

Гордеев, А. А. 2006. *История казачества*. М.: Вече.

Денисова, Г. С., Дмитриев, А. В., Клименко, Л. В. 2010. *Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы*. М.: Альфа-М.

Зайцев, А. А. 2009. Региональный политический процесс в условиях Гражданской войны 1917–1922 гг. (на материалах Дона и Кубано-Черноморья): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: МПГУ.

Иванцов, И. Г. 2009. *Украинизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б), 1920-е – начало 1930-х гг.* Краснодар; Ставрополь: Альфа Принт.

Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества / предисл. В. Н. Королева. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1992.

Казачество Северо-Кавказского края: Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д.: Изд-во Сев.-Кав. краев. стат. управл., 1928.

Казачий словарь-справочник / сост. Г. В. Губарев; ред.-изд. А. И. Скрылов. Репринт: в 3 т. Т. 2. М.: ТО «Созидание», 1992.

Казачьи вести. Краснодар, 1993. № 8(40); 9(41).

Кириенко, Ю. К. 1996. Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921–1945 гг.) *Вопросы истории* 10: 3–18.

Козлов, А. И.

1977. *На историческом повороте.* Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та.

1996. *Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория).* Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та.

Колосов, В. А., Криндач, А. Д. 1994. Тенденции постсоветского развития массового сознания и политическая культура Юга России. *Полис б:* 120–133.

Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества. Утверждена Указом Президента РФ 3 июля 2008 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/639>.

Корень, Р. В., Горельченко, Н. Н. 1998. *Азбука возрождения казачества: очерки духовно-социально-этнической философии.* Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. техн. ун-та.

Краснов, П. Н. 1921. *Казачья «самостийность».* Берлин: Двуглавый орел.

Кубанские новости. 1993а. 24 января.

Кубанские новости. 1993б. 10 июня.

Кубанское казачество: социальный, политический, экономический портрет: Экспресс-отчет Российской социологической службы «Мониторинг». М., 1992.

Кульчицкий, С. В. 1999. Курс – украинизация. *Родина* 8: 108–110.

Макаренко, П. Л. 1926. З життя Кубані під радянською російською комуністичною владою (1920–1926 рр.) *Кубань: Збірник статтів про Кубань і кубанців* (с. 75–192). Прага: Видання Громади Кубанців в Чехословацькій Республіці.

Маркедонов, С. М. 2001. Феномен російського неоказачества. *Соціально-політична ситуація на Кавказі: історія, сучасність, перспективи* (с. 106–119). М.: Ін-т політ. і воен. аналізу.

Матвеев, В. А. 2001. Україна от Карпат до Кавказских гор! *Ученые записки Донского юридического института* 16: 225–248. Ростов н/Д.

Мацевский, Г. О. 2012. Идеологемы современного казачьего движения. *Современные исследования социальных проблем* 9(17). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/matsievsky.pdf>.

Мацевский, Г. О. 2012. Традиции «самостийности» в политической жизни современного российского казачества. *Вестник Томского гос. пед. ун-та* 3: 57–63.

Мейберн-Льюис, Д. 1997. Демократия, тоталитаризм и этнический плюрализм. *Расы и народы* 24: 18–26.

Морозова, Е. В.

1998. *Региональная политическая культура*. Краснодар: Изд-во КубГУ.

2012. Сложносоставная идентичность. В: Семененко, И. С. и др. (отв. ред.), *Политическая идентичность и политика идентичности*: в 2 т. Т. 1 (с. 102–104). М.: РОССПЭН.

Мухин, А. И., Прибыловский, В. В. 1994. *Казачье движение в России и странах ближнего зарубежья (1988–1994 годы)*. Т. 1. М.: Панорама.

Народное хозяйство Союза ССР в цифрах: статистический справочник. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1925.

Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. Перепись 2010. URL: www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab7.xls.

О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества. Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1992 г. № 632. URL: <http://base.garant.ru/12123593/>.

Озеров, А. А., Киблицкий, А. Г. 2000. *История современного донского казачества: исследования и документы*. Ростов н/Д.: Ростиздат.

Полосин, В. С. 1999. *Миф. Религия. Государство: Исследование политической мифологии*. М.: Ладомир.

Ратушняк, О. В. 1997. *Донское и Кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.)*. Краснодар: Изд-во КубГУ.

Рвачева, О. В. 2010. Казачество Юга России в конце XX – начале XXI в.: возрождение или конструирование социального феномена? *Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития* (с. 307–310). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН.

Сватиков, С. Г. 1924. *Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону*. Вена: Изд-во Донск. истор. комиссии.

Скорик, А. П., Озеров, А. А. 2005. *Этносоциальный адрес донцов*. Ростов н/Д.: Дончак.

Соцков, Л. Ф. 2003. *Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки*. М.: РИПОЛ КЛАССИК.

Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года. Утверждена Указом Президента РФ 15 сентября 2012 года. URL: <http://state.kremlin.ru/council/16/news/16682>.

Супрун-Яремко, Н. А. 2003. Украинский субэтнос на Кубани. *Культурная жизнь Юга России* 3(5): 51–57.

Тишков, В. А. 2003. *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии*. М.: Наука.

Трут, В. П. 2005. Идеология казачества и его политические искания в XIX – начале XX века. *Очерки традиционной культуры казачеств России* (с. 514–522). Краснодар: ЭДВИ.

Черкасов, А. А. (сост.) 2004. *Пропаганда противоборствующих сил на Кубани и Черноморье в 1919–1922 гг.: сб. документов и материалов*. Сочи: Сочин. гос. ун-т туризма и курорт. дела.

Черненко, И. А. 2009. *Казачество как субъект регионального политического процесса (по материалам Краснодарского края)*. Краснодар: КУ МВД России; Краснодарск. фил. АТСО.

Чумаченко, В. К. 2002. Украинцы Кубани в поисках национальной идентичности. *Вопросы регионоведения: сб. ст. Вып. 1* (с. 53–64). Краснодар.

Щербина, Ф. А. 1921. *Законы эволюции и русский большевизм*. Белград: Русская мысль.

Erikson, E. H. 1964. *Insight and Responsibility*. N. Y.: W.W. Norton.

Jenkins, C. J. 1983. Resource Mobilization: Theory and the Study of Social Movement. *Annual Review Social* 9: 527–553.